
ПАНИКА

Лорен Оливер

ПАНИКА

Москва
2016

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
О-54

Lauren Oliver

PANIC

Copyright © 2014 by Laura Schechter

Разработка серии *С. Шикина*

Иллюстрация на обложке *М. Петрова*

Оливер, Лорен.

О-54 Паника : роман / Лорен Оливер ; [пер. с англ. Н. Коваленко]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Жестокие игры).

ISBN 978-5-699-88118-5

Маленький городок в американской провинции. Скука смертная. Единственное желание любого выпускника местной школы — уехать отсюда. И, конечно, выиграть в «Панику».

Когда-то давно эту жестокую и нелегальную игру на выживание придумали сами школьники: опасные задания, таинственные судьи, имена которых держались в секрете, ведущий, участники только из выпускных классов и денежный призовой фонд.

В тот день Хезер Нилл пришла на городской пляж поддержать свою лучшую подругу — Натали Велец. И вовсе не собиралась участвовать в этой игре. Но объявленный ведущим призовой фонд в 67 тысяч долларов заставил ее изменить решение. Дойти до финала и победить, забрать деньги и уехать из этого чертового городишки, оставив за плечами пьющую мать, бросившего ее парня и несбывшиеся мечты, — вот ее новая цель. Правда, шансов на победу не так уж много...

Впервые на русском языке! Новый роман от автора бестселлеров «Делириум» и «Прежде, чем я упаду».

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Коваленко Н., перевод на русский язык,
2016

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-88118-5

Посвящается моему замечательному редактору Розмари Броснан. Спасибо за твою мудрость, поддержку и, самое главное, за твою дружбу. Без твоей поддержки я бы не дописала эту книгу. Спасибо за то, что помогаешь мне писать лучше.

18 июня,
суббота

ХЕЗЕР

Вода была настолько холодная, что у Хезер перехватило дыхание, пока она пробиралась сквозь заповивших пляж детей, которые стояли на мелководье и размахивали полотенцами и самодельными плакатами, подбадривая оставшихся прыгунов.

Она сделала глубокий вдох и нырнула. Голоса, крики и смех тут же стихли.

Но один голос по-прежнему звучал у нее в голове.
Я не хотел, чтобы все случилось так.

Эти глаза, длинные ресницы, родинка под правой бровью.

Просто в ней что-то есть.

Что-то есть в ней. Что означало — в тебе нет ничего особенного.

Сегодня Хезер собиралась признаться ему в любви.

Дикий холод жгучей болью проходил по телу. Ее джинсовые шорты казались такими тяжелыми, будто были набиты камнями. К счастью, годы заплывов

на скорость по заливу и карьерам вместе с Бишопом сделали Хезер Нилл сильной пловчихой.

В воде была куча тел — прыгуны размахивали руками и ногами, разбрызгивая воду, а болельщики, присоединившиеся к их торжественному заплыву, плескались в карьере прямо в одежде, прихватив с собой пиво и косяки. Хезер слышала отдаленный шум ударных и слабое постукивание. Она позволила ему нести себя по воде без страха и лишних мыслей.

Самое главное в Панике — не бояться.

Она вынырнула на поверхность, чтобы набрать воздуха, и поняла, что уже проплыла это небольшое расстояние и достигла противоположного берега. Уродливая груда деформированных камней, покрытых пятнами черного и зеленого мха, напоминала древний набор конструктора «Лего». Испещренные трещинами и щелями камни тянулись к небу, возвышаясь над водой.

Уже прыгнул тридцать один человек — все они друзья и бывшие одноклассники Хезер. Только небольшая кучка людей осталась на вершине хребта. С северной стороны карьера зубчатый и скалистый выступ береговой линии выдавался на сорок футов в высоту, словно огромный зуб, пробившийся сквозь землю.

Было слишком темно, чтобы можно было кого-то разглядеть. Огни маяка подсвечивали только береговую линию и на несколько футов освещали чернильно-черную воду и лица людей, которые уже прыгнули, но все еще бултыхались в воде, подначивая других участников. Счастливые и торжествующие, они совсем не чувствовали холода. Вершина

хребта была покрыта черными густыми зарослями. Непонятно, то ли деревья захватывали скалу, то ли скала постепенно отодвигалась в сторону леса.

Но Хезер знала, что они были там. Достигнув вершины хребта, все участники должны были назвать себя, а затем спортивный комментатор этого года Диггин Роджерс повторял их имена в мегафон, который он позаимствовал у своего старшего брата — полицейского.

Три человека еще не прыгнули — Мерл Трейси, Дерек Клиг и Натали Велец. Нэт.

Лучшая подруга Хезер.

Хезер втиснула пальцы в трещины в скале и подтянулась. В предыдущие годы она наблюдала, как другие игроки карабкались на хребет, будто огромные пьяные насекомые. Каждый год участники старались прыгнуть первыми, хотя и не получали за это никаких дополнительных баллов. Просто из самолюбия.

Хезер сильно ударилась коленом об острый изгиб скалы. Посмотрев вниз, она увидела, что ее коленная чашечка немного кровоточит. Странно, но она совсем не чувствовала боли. И хотя все по-прежнему подбадривали участников шумом и криками, звуки доносились как будто издалека.

Слова Мэтта заглушали все голоса.

Послушай, у нас с тобой ничего не выйдет.

В ней есть что-то особенное.

Но мы можем остаться друзьями.

Воздух был прохладный. Поднялся ветер, напевая свою песнь между старыми деревьями и от-

правляя вверх лесной рокот. Но Хезер уже не было холодно. Ее сердце сильно билось. Она нащупала еще одну зацепку в скале, уперлась ногами в скользкий мох и подтянулась, как это делали игроки, за которыми она наблюдала каждое лето с восьмого класса.

Краем уха она слушала голос Диггина, искаженный мегафоном: «В конце игры... новый участник...»

Но половину его слов унесло ветром.

Выше, выше, выше, не обращая внимания на боль в пальцах и ногах, стараясь держаться левой стороны хребта, — камни, прижатые там друг к другу под разными углами, образовали широкий выступ, по которому было легко ориентироваться.

Внезапно мимо Хезер пронеслась чья-то темная фигура. Хезер чуть не соскользнула со скалы, но в последнюю секунду она удобнее поставила ноги на узкий выступ и сильно вцепилась пальцами в скалу, чтобы удержаться. Хезер услышала громкий одобрителный возглас, и ее первой мыслью было: «*Натали*».

Но затем прогремел голос Диггина: «Леди и джентльмены, он *прошел*! Мерл Трейси, наш тридцать второй участник!»

Хезер была уже почти на вершине. Она глянула назад и увидела крутой склон зубчатых скал и темную воду, волнами разбивающуюся у подножия хребта. Ей вдруг показалось, что все это находится на расстоянии миллионов миль.

Ее затошнило, и на секунду, когда туман рассеялся над головой, ее гнев и боль ушли, и ей захотелось

спуститься назад, назад в безопасность, где ее ждал Бишоп. Они могли бы поехать к Дот на вечерние вафли с двойной порцией повидла и взбитых сливок. Они могли бы ехать, распахнув все окна, слушая стрекотание сверчков, или сидеть на капоте машины Бишопа и болтать ни о чем.

Но было слишком поздно отступить. Шепот Мэтта снова зазвучал в ее голове, и она продолжила карабкаться.

Никто не знает, кто придумал Панику и когда все это началось.

На этот счет есть разные теории. Согласно одной из них, всему виной закрытие бумажной фабрики, которое за ночь оставило без работы сорок процентов населения города Карп, штат Нью-Йорк. Майк Дикинсон, который был позорно арестован за распространение наркотиков в тот же вечер, когда его объявили королем выпускного бала, теперь меняет тормоза в автомастерской Джиффи Люб на двадцать втором шоссе. Он приписывает себе создание Паники, поэтому он по-прежнему ходит на Первый Прыжок, даже спустя четыре года после окончания школы.

Однако ни одна из этих историй не является правдивой. Как и любая другая затея в Карпе — бедном городишке в богом забытом месте, — Паника началась потому, что летом больше нечем было заняться.

Правила просты — в день после выпускного состоится Первый Прыжок, а затем игра длится все лето. После финального испытания победитель получает награду.

Все в школе Карп без исключения кладут взнос в призовой фонд. Плата — доллар в день, пока работает школа — с сентября по июнь. Люди, которые отказываются платить по счету, получают напоминания. Вначале спокойные, затем более убедительные — от взломанного шкафчика до разбитых окон и разбитого лица.

Довольно справедливо. Любой желающий имеет шанс выиграть. Затем следует второе правило — играть могут *только* выпускники, но все они имеют право участвовать. Свое намерение играть они выражают с помощью Прыжка — первого из испытаний. Иногда по сорок человек принимают участие.

Но победитель всегда только один.

Два судьи планируют игру, выбирают испытания, дают инструкции, награждают участников и подсчитывают баллы. Их выбирают судьи предыдущего года в условиях строгой секретности. За всю историю Паники никто не признался, что был судьей.

Разумеется, не обходилось без подозрений, основанных на слухах и домыслах. Судьям полагается оплата, а Карп — небольшой городишко. Как Майра Кемпбэлл, которая всегда утаскивала еще один обед из школьной столовой, потому что у нее дома совсем не было еды, вдруг смогла купить себе подержанную «Хонду»? Она сказала, что у нее умер дядя. Но никто никогда не слышал о ее дяде. Никто даже и не *замечал* Майру, пока она не приехала на машине с опущенными стеклами, покуривая сигарету. Солнце так ярко светило в лобовое стекло, что практически скрывало ее улыбку.

Два судьи, выбранные втайне, клялись молчать и действовать сообща. Все должно быть именно так. Иначе им бы стали предлагать взятки и, возможно, угрожать. Вот почему их двое — чтобы поддерживать систему в равновесии, уменьшить вероятность того, что один из них будет жульничать, и избежать утечки информации.

Если игроки знают, чего ожидать, они могут подготовиться. А это уже совсем нечестно.

Отчасти эффект неожиданности и незнание ситуации сначала привлекают игроков, а затем отсеивают их одного за одним.

После того как все взносы подсчитаны, а судьи (кем бы они ни были) взяли свою долю, награда обычно составляет более пятидесяти тысяч долларов. Четыре года назад, получив свой приз, Томми О'Хара купил в ломбарде две вещи, одной из которых был лимонно-желтый «Форд». Затем он уехал прямо в Вегас и поставил все на черное.

На следующий год Лорен Дэвис вставила себе новые зубы и сделала новую грудь, после чего переехала в Нью-Йорк. Два года спустя она вернулась в Карп на Рождество и пробыла там достаточно долго, чтобы покрасоваться своей новой сумочкой и еще более новым носом, а затем снова уехала в Нью-Йорк. Если верить слухам, она встречалась с бывшим продюсером какого-то реалити-шоу о потере веса, стала начинающей моделью компании «Виктория Сикрет», хотя никто ни разу не видел ее ни в одном каталоге (а большинство парней смотрели эти каталоги).

Конрад Спарлок отправился на производство метамфетаминов, которое было сферой деятельности его отца, и вложил деньги в новое здание на Маллори Роуд, поскольку их предыдущее здание сгорело дотла. А вот Шон МакМэнус потратил деньги на учебу в колледже — он подумывает стать доктором.

За семь лет игр было три смерти. Четыре, если считать Томми О’Хара, который застрелился с помощью второй вещи, купленной в ломбарде, после того как ему выпало красное.

Понимаете? Даже победитель Паники чего-то *боится*.

Так вот, начало Паники — день Прыжка — следует за выпускным.

Отмотаем обратно на пляж. Но сначала вернемся на несколько часов назад — до того, как застывшая Хезер стоит на хребте, боясь прыгнуть.

Немного поверните камеру. Мы не совсем там. Но уже почти близко.

ДОДЖ

Никто на пляже не поддерживал Доджа Мэйсона. Никто бы и не стал его поддерживать, как бы далеко он ни прошел.

Но это не имело значения. Значение имела только победа.

У Доджа был секрет — он кое-что знал о Панике, возможно, даже больше, чем любой другой человек на пляже.

Точнее, у Доджа было *два* секрета.

Он любил секреты. Они воодушевляли его, заставляя его чувствовать свою силу. В детстве он даже представлял, что у него есть свой тайный мир, собственное место теней, где он всегда мог свернуться калачиком и спрятаться от всего. Даже теперь, когда Дэйну снова стала мучить боль, от которой она плачет; когда мама Доджа заливает дом освежителем для воздуха и приглашает в гости своего нового гребаного хахалы, и посреди ночи Додж слышит, как спинка их кровати бьется о стену, каждый раз, как удар в живот, — даже теперь ему хочется погрузиться в свой сокровенный темный мир.

Все в школе считали Доджа слабаком. Он знал это. Он даже *выглядел* как слабак. Он всегда был высоким и худым. Его мама говорила, что он угловатый, как и его отец. Насколько он знал, единственное, чем они были похожи с отцом — доминиканским кровельщиком, с которым его мама встречалась какое-то время еще в Майами, — так это угловатостью и темной кожей. Додж никак не мог запомнить его имя. Роберто. Или Родриго. Какое-то дурацкое.

Додж считал, что они все *застряли* в Карпе, — он, Дэйна и мама были как пустые полиэтиленовые пакеты, которые носит по стране внезапными порывами ветра и которые иногда цепляются за телефонные столбы или ненадолго запутываются под колесами какого-нибудь грузовика. В день, когда они застряли в Карпе, Доджа избивали три раза — один раз Грег О'Хара, затем Зев Келлер, а потом *снова* Грег О'Хара.